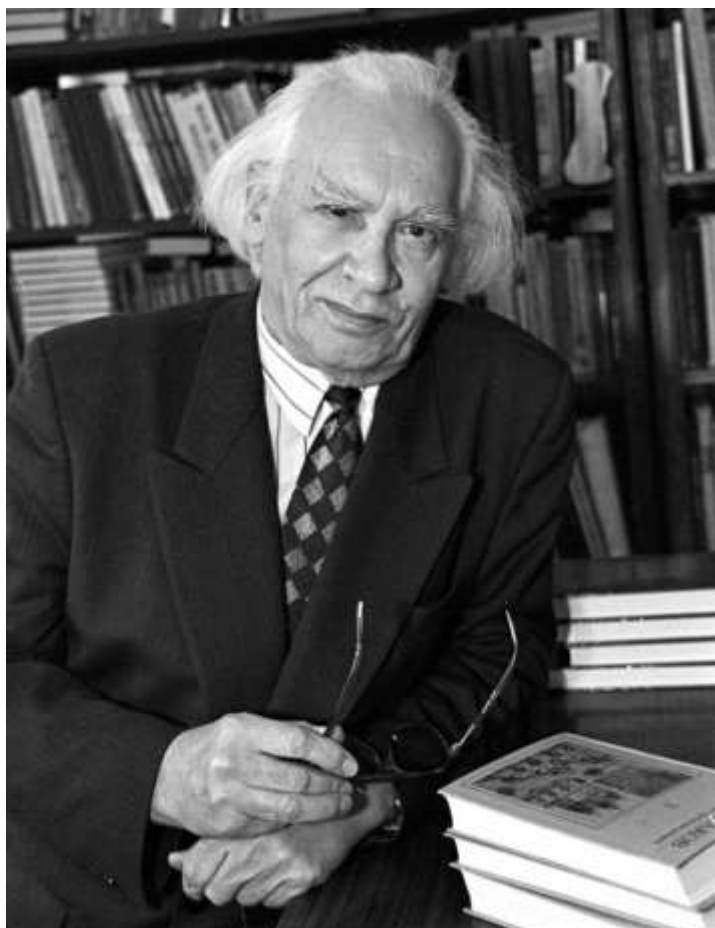

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ЛОВОЗЕРСКАЯ МЕЖПОСЕЛЕНЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»
ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ**

12+

ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

**к 100-летию Ивана Федоровича Ушакова,
исследователя истории Кольского Севера,
доктора исторических наук, профессора,
Почетного гражданина города-героя Мурманска**

БУКЛЕТ

РЕВДА 2021

**ББК 63.3(2Рос-4 Мур)кр
Ч39**

Ч39   Человек и учёный : к 100-летию Ивана Федоровича Ушакова, исследователя истории Кольского Севера, доктора исторических наук, профессора, Почетного гражданина города-героя Мурманска : буклет. – Ревда : Ловозерская межпоселенческая библиотека, 2021. – 19 с.

ББК 63.3(2Рос-4 Мур)кр

МБУ «ЛМБ», 2021

Иван Фёдорович Ушаков (02.03.1921-16.11.2002) родился в г. Верхнеуральск Челябинской области. Окончил Вичужский педагогический техникум (1939) и после его окончания некоторое время работал учителем начальной школы.

29 сентября 1939 года в возрасте 18 лет Иван Федорович был призван в ряды Красной Армии, службу проходил в составе горнострелковой дивизии в Молдавии и на Буковине.

И. Ф. Ушаков. 1941 г.

Грянула война. Сначала он участвовал в боевых действиях в составе воинских подразделений Юго-Западного фронта, был командиром стрелкового отделения. С декабря 1944 года пехотинец Ушаков - боец стрелковой роты 1-го батальона 32-й стрелковой моторизованной Корсуньской бригады 18-го танкового Краснознаменного корпуса 3-го Украинского фронта. Принимал участие в операциях по освобождению Украины, Венгрии, Румынии, Югославии, Австрии. Был неоднократно ранен. По окончании Великой Отечественной войны Иван Федорович был отмечен военными наградами, в числе

которых орден Отечественной войны I степени, медали «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.», «За боевые заслуги», «За отвагу», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены».

Однако были в его фронтовой летописи и трагические страницы: 6 августа 1941 года во время ожесточенных боев в Кировоградской области (Украинская ССР) Иван Федорович попал в плен, который продлился чуть более трех лет. Три года между жизнью и смертью, три года мытарств по лагерям для советских военнопленных, в числе которых была и небезызвестная Уманская яма...

Войну Ушаков вспоминать не любил, уходил от вопросов о ней. «Война - это не кино. Грязь, кровь и пот, гибель друзей". «О войне и заслугах не надо. Война - это просто тяжелый, бесконечный, безрадостный труд. Бывало, роешь окоп, долбишь мерзлую землю. Стараешься - может, в этом окопе недели две предстоит просидеть. Но вдруг приказ - идти вперед. И на новом месте долбишь землю заново... Не хочу о заслугах. 27 миллионов соотечественников погибло в войну, а я вот живу. И занимаюсь любимым делом. Какие еще почести и награды?!»

Осенью 1945 года Ушаков был демобилизован, после чего приехал в Магнитогорск. Год проработал в Магнитогорской начальной школе, затем продолжил образование в Магнитогорском педагогическом институте (ныне — Магнитогорский государственный университет). В 1949 году опубликовал свою первую научную работу «К вопросу об использовании руд горы Магнитной до Великой Октябрьской социалистической революции», определив круг научных интересов, связанных с историей России в дореволюционный период. «Он всегда хотел учиться, искать и овладевать знаниями, - вспоминал об Ушакове доктор исторических наук Алексей Киселев. - Он не раз говорил, что знания — это крылья, которые позволяют нам подняться над обыденностью и достичь

намеченной цели, что это единственный в мире капитал, неподвластный инфляции... И его «университеты» (уже в самостоятельной работе) не прекращались до конца жизни».

И.Ф. Ушаков с отличием окончил Магнитогорский педагогический институт (1950), аспирантуру Ленинградского государственного педагогического института им. М. Н. Покровского (1953). В июне 1953 года защитил кандидатскую диссертацию по теме «Белорецкое горнозаводское хозяйство дворян Пашковых в первой половине XIX века». Работал преподавателем истории в Ленинградском, а затем в Выборгском педагогическом институте. Уже в этот период начал сбор материалов для докторской диссертации по вопросам социально-экономического развития дореволюционного Урала, развития машиностроения и транспорта в регионе. Посвящённые этим проблемам научные работы публиковал в журналах «История СССР», «Огонёк», «Урал» и других.

В 1957 году переехал на Кольский Север, где приступил к

работе старшим преподавателем истории в Мурманском государственном педагогическом институте (ныне Мурманском арктическом государственном университете), пройдя в нём путь до профессора кафедры отечественной истории.

И. Ф. Ушаков. Мурманск, 1959 г.

*И.Ф. Ушаков за кафедрой в аудитории
Мурманского государственного педагогического института, 1987 г.*

*И. Ф. Ушаков со студентами педагогическом институте.
Мурманск, 1987 г.*

Сфера научных интересов – история Кольского Севера XI-XIX вв. И.Ф. Ушаков заложил основы научного краеведения в Мурманской области. Малая изученность дореволюционного периода Кольского края подтолкнула Ушакова к серьёзным научным исследованиям. Он начал поиски исторических источников, регулярно работая в различных архивах и библиотеках. Для сбора материалов ездил в Архангельск, Ленинград, Москву, Петрозаводск. Через два года этой упорной и кропотливой работы, в 1959 году, вышла первая научная работа Ушакова по истории Кольского края — статья «Нападение английского военного флота на Мурман в 1809 году». В 1960-х годах появились и другие его труды: брошюра «Кольский острог» и ставшие важным этапом «Краеведческие материалы по истории» для школ Мурманской области, которые в системе представили историю Кольского полуострова в дореволюционный период. Одновременно Ушаков активно проводил просветительские лекции в школах, библиотеках, выступал по радио, на телевидении. Он также часто публикует найденные исторические материалы на страницах местных газет: сначала в «Полярной правде», «Комсомольце Заполярья» и «Рыбном Мурмане», затем — в «Советском Мурмане» и

«Мурманском вестнике». «Краевед Иван Ушаков» — так скромно он подписывал свои статьи в газетах «Полярная правда» и «Мурманский вестник». И эта подпись под публикациями до сих пор служит знаком научного качества.

Его интересовали самые разнообразные сюжеты истории Кольской земли: история отдельных населённых пунктов, памятники поморского зодчества, быт саамов и поморов.

Итогом этих изысканий учёного и краеведа стала вышедшая в 1972 году под редакцией доктора исторических наук И. П. Шаскольского книга «Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период», ставшая первой крупной работой по истории Кольского Севера с древнейших времен до революции 1917 года.

Материалы монографии в дальнейшем были положены в основу докторской диссертации Ушакова «История Кольского Севера с древнейших времен до 1917 года», которую он защитил в 1980 году в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена.

Опубликовал более 400 научных и научно-популярных работ. В том числе: «Кольская земля» (1972), «Успенская церковь в селе Варзуга» (1974), «Кольская старина» (1986), «История Кольского Севера (досоветский период)» (1992), «Кольский Север в досоветское время, Историко-краеведческий словарь» (2001), «Белый Мурман» (2001).

Говоря о научной деятельности профессора, нельзя не сказать о его колоссальном труде - трехтомнике «Избранные произведения. Историко-краеведческие исследования» в который вошли важнейшие труды Ушакова. В этих книгах - ценнейшие материалы по истории Кольского Севера, написанные, собранные, систематизированные и проанализированные Иваном Федоровичем.

Это собрание представляет собой фундамент краеведения всей Мурманской области. Трехтомник вышел в конце 90-х годов, уже был переиздан с небольшими правками, но до сих пор является настольной книгой исследователей-краеведов Кольской земли.

И.Ф. Ушаков и А.А. Киселев на встрече, посвященной 20-летию Мурманского книжного издательства. 1977 г.

Ушаков был уникальным человеком. Уникальность Ивана Федоровича заключалась еще и в том, что он был беспартийным. Беспартийный историк в СССР — большая редкость. Ведь многие документы хранились в партийных архивах. Доступ в партийный архив мог получить только член КПСС. Впрочем, Иван Федорович занимался историей России и Кольского полуострова до 1917 года, и документы в партийных архивах его интересовали не сильно.

В память об И.Ф. Ушакове в Мурманском арктическом государственном университете ежегодно проводятся Ушаковские историко-краеведческие чтения. 2 марта 2005 г. на фасаде исторического факультета университета была открыта мемориальная доска памяти И.Ф. Ушакова. В Государственном архиве Мурманской области хранится личный фонд Ивана Федоровича Ушакова.

*И.Ф. Ушаков в день присвоения звания
Почетного гражданина города Мурманска. 1991 г.*

Перед вами - фрагменты воспоминаний Ивана Федоровича о войне, которые поступили в Государственный архив Мурманской области в составе его личного фонда. Несмотря на свою отрывочность, отсутствие четкой хронологии, временами - неясность, они ценны тем, что являются подлинным свидетельством очевидца страшных событий.

Из воспоминаний И. Ф. Ушакова о начале военных действий в Украине, близ г. Каменец-Подольска в июне 1941 г.: «Отведенный нам участок обороны мы успели укрепить - отрыть окопы, траншеи, ячейки, щели, но боевые средства наши не усилились - правда, получили со склада патроны гранаты (помню, как я раздавал патроны от ППД[1]: вызывал к штабу командиров рот и заставлял расписываться за получение патронов, как будто была не война, а предстояли учебные стрельбы и нужен особый учет и ответственность за расход боезапасов). Из пополнений было дано взятых по мобилизации несколько сот бессарабских крестьян, которые почти все без исключения удрали по домам при первых столкновениях с врагом. Это были люди несоветские - ровно год назад они еще находились под румынами.

Остальная масса в большинстве своем готова была отдать жизнь, честно выполнить свой долг. Молодые лейтенанты рвались в бой. Помню: получили медальоны - «смертники» - патроны, в которые вкладывалась записка с именем и адресом на случай смерти для опознания - черные, пластмассовые, с завинчивающейся головкой - и люди писали: «погиб за мировую революцию - лейтенант Дуркин» и не более (этот был по национальности коми).

Комиссар части Гольдберг сидел и карандашом делал записи, вел дневник. Он, видимо, признавал важность отражения боевой обстановки первых дней, и говорил мне, что надо сохранить его записи для будущего. Но они, конечно, погибли, сам Гольдберг погиб хорошо - в первом серьезном сражении под [...] [2], осколок пробил ему голову, и смерть была мгновенной» [3].

[1] Пистолет-пулемёт Дегтярёва, использовался на начальном этапе Великой Отечественной войны.

[2] Населенный пункт неразборчив.

[3] ГОКУ ГАМО. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 376. Л. 25-32.

ГИТЛЕР И МУССОЛИНИ

Из Копенковатой[2] 7 августа 1941 г. я прибыл в Умань. Нашу группу разместили в «курятнике» возле кирпичной ямы. На второй или третий день мне удалось попасть в группу из 30 человек, которую взяли на уборку в гор. банке. Надзор был не строгий, за дорогу один скрылся. Нэмен зе нихт цур Арбайт![3] Охранник не повел нас за это кормить, но некоторым удалось по малости кое-чем разжиться. Два сухаря лежали и у меня в кармане. Нам удалось 1 человека перетянуть из другой группы (сказали: нас поведут на шамовку[4] после работы).

Вместо верхотуры, которую, кажется, отвели для командного состава, нас направили в яму. В центре ее была большая лужа, грязный водоем, и все мучимые жаждою, пытались через ткань, как-то, добыть немного питья. Время было жаркое. Десятки тысяч людей мучились голодом и жаждою. Ночь прошла на земле, под открытым небом. Искали земляков и однополчан, сбивались в группы.

На др. день, то ли 10 то ли 11 авг. пополудни стала усиливаться охрана на берегах. Обрывистые стены исключали возможные бегства. Поэтому прошел слух - немцы готовятся к расстрелу всех (тысяч 60!) находящихся в яме. С каждым часом охрана усил., появились пулеметы и бронетранспортеры. Какая-то группа пыталась по единственному откоосу подняться. Ее тут же срезали из пулемета. Тела посыпались вниз.

Посредине ямы тянулись рельсы узкоколейки; в одном месте опрокинута была кер-вагонеточка. Я выбрал эту позицию. Рядом оказались три труса-паникера, м.б. сектанты, люди немолодые и религиозные. Они, считая, что вот-вот начнут расстреливать людей, причитали, охали, лепетали какие-то жалкие обрывки молитв.

Прошло еще с полчаса, наверху прибывали чины; видно было, что это крупные начальники. Наконец, к обрыву подошли несколько человек со свитой. Наступил критический момент. Дула пулеметов многочисленной охраны, казалось, только ждали приказа.

Гитлер и Муссолини в приподнятом настроении, что было видно по их самодовольным жестам, постояв немного, повернулись и ушли.

Вскоре осталась одна охрана, которая постепенно стала таять, убывать. Берег почти оголился, и через час напряжение спало.

Никто точно не знал, что происходило в действительности.

Никто не мог предположить, что сами главари могут появиться в Умани. Но, видно, желание полюбозаваться поверженными большевиками было столь велико, что фюрер и дуче не поленились взглянуть на

Уманскую яму.

Только в конце сентября укр. население сообщило, что сам Гитлер посетил Умань. А убедился я в том, что лично видел обоих сволочей, только позднее, прочитав книгу Воробьева «Земля, до востребования».

Позднее в 1966 г., я видел Де Голля (в Ленинграде). Я видел Хрущева, Брежнева (первого из них на Киевском вокзале, второго 01.05.1975), но встреча с извергами в 1941 г. под дулами пулеметов была особой.

ДОХЛЯКИ, ДОХОДЯГИ

Вижу Толю-доходягу в Карповке[5], длинный, худой с безразличным потухшим взглядом. Он стоял возле круглой, черной, одетой листовой жестью, печи и почти не шевелился.

В Карповке никто не умирал. Как ни грабили румынские офицеры поставки окрестных сел, добротные крохи крестьянского хлеба попадали в желудки пленных[6]. Кое-кто ходил на работу - за дровами и т.п. и приносил добычу. Один раз власти даже выдали по палке тютюна[7].

В Васлуе[8] люди были рассортированы: доходяги - в инфермерии[9] или в заразном бараке, откуда уже не возвращались. В среднем 12-14 человек, иногда до 20 отправлялись на чимитир[10]. Сказывали - советский сектор насчитывал к 44 г. 2 тыс. могил, т.е. только третья часть ушла в иной мир. Это никого не ужасало: шла война, и жизни совсем не ценились. Румынские солдаты даже завидовали нам, особенно когда стал вырисовываться конец их бесславного разбоя.

КОГДА ДОМОЙ?

Странно, что многие питали иллюзию, что скоро-скоро их отпустят домой. Особенно одесситы и жители Транснистрии[11]. Веру эту поддерживали охранники, которые боялись ответственности за побеги. Помню, весной какого-то года в лагерь (м.б. Карповку?) заглянул дженерал, поинтересовался как содержат призонтера, а потом обратился: какие имеются вопросы? Кэнд а касэ?[12] Генерал удивился и ответил: Дунэ терминарий разбойлуй[13]. Можно было видеть разочарование слушателей, которым твердили: Москва взята, Сталин бежал то ли в Иран, то ли в Сибирь.

Чтобы создать видимость скорого возвращения в дома - а большинство сидевших были захвачены по Транснистрии уже после окончания военных действий, - решили отпустить дряхлых стариков, которым под 60 лет и родившихся в 24 году. Моя справка о рождении Луховской волости[14] была написана красными чернилами. Последнюю цифру «1» я переделал кровью в 4, получилось очень похоже, и в один еще

холодный мартовский или апрельский день, конвоир повел меня в Могилев-Подольский. Километров 12, кажется.

В городской жандармерии, которая должна была выдать отпускное свидетельство, совсем не интересовались, откуда я (м.б. они никогда не слышали даже о Костромской губернии), но зато без труда обнаружили подделку в документе. Документ отобрали, санинелу[15] словесно объяснили, что я не подлежу освобождению: пусть так и передает лагерному начальству. Все-таки незлобивые эти румыны. Мне даже не вlepили оплеухи по уху, как это сделал жандарм Романского жудеца[16], а вернули в Карповку. Мы шли оврагом через длинное по долине реки село, заходили пообедать. Нас накормили, и женщина тайно сунула мне 1 нем. марку и кусок хлеба. С завистью провожавшие меня, к вечеру встретили: «Ну что, Ушак?» Не помню, что я отвечал. Но эпопея закончилась, не оставив более надежды на выход по-гайсински.

СМЕНА ИМЕНИ

Едва ли не половина призонтеров носила чужие фамилии, одни опасались репрессий в отношении семей, поскольку плен считался - как бы он не случился - почти предательством Родины, другие учитывали национализм немцев, третьи...

Коля Оливенко - это чувак Пятин, Костя Полищук - это Белов, Марк Мельников - это Мильштейн и так далее.

Немцы относились к своим кригсгефангенен[17] по национальной принадлежности. Юда - это ничто, цыган - отброс, русский - это враг, украинец - это с благожелательностью, по крайней мере показной. Населению внушали - скоро украинцев отпустят домой. Стремилась посеять рознь между украинцами и русскими.

В Гайсине местных уроженцев-украинцев отделили в отдельный угол сарая и выписывали пропуска. Не верилось. Но нужно было решаться. Обманщиков травили собаками. Но может быть? Писарь отлично видел, что я ни слова не знал по-украински, но заполнил аус-вайс[18]: Ушак Иван Самгородок. Я прикидывал - сменить, скажем, на Сидоренко - не услышишь на переключке или запнешься - и тогда капут. При обыске - при мне все документы, где будет другая фамилия. Под усеченной фамилией я жил ровно три года - по 23 августа 1944 г.

КУРЕНИЕ, НАКОЛКИ, ремесло

Истинным мучением для большинства пленных было отсутствие курева. Казалось бы, в таких условиях легко было бросить эту привычку, ан, нет! Поиски «бычков» - грязных окурков, иногда в куче хлама, на

обочинах дорог, даже в уборной. Попытки курить лист, мох и т.п. ничего не давали. В лагерь существовал пронос из города работавших, ездовых, солдат и бог знаем, какими путями. В Васлуе на перекрестке недалеко от гражда (конюшни) существовал черный рынок. Чаще всего курильщики 0,5 пайки хлеба меняли на табак. Попытки пресечь эти сделки потерпели неудачу. Думаю, что $\frac{3}{4}$ умерших составляли меняльщики пищи на курево.

В Карповке возникла эпидемия наколки. Помню усатого одессита, несомненно, сидевшего в тюрьме - во всем проглядывал бывалый уголовник, - который добыл сажу, иглу, изготовил рисунки и старательно накалывал своих приятелей и просто желающих. Чаще всего изображался на груди орел с распростертыми крыльями, иногда в когтях он нес голую девушку. Были и другие сюжеты, символы, слова (изречения и т.п.). Что двигало желающих дырявить свою шкуру? Не берусь объяснить. Видимо, заключенность в соединении с невежеством, представление о героизме, необычности судьбы, стремление оставить память о времени, когда человек был никем - беззащитным и оторванным от своего прошлого.

Иного рода занятием стало ремесло. Удивительно талантливым оказался этот люд. Из материалов, полученных от солдат или подобранных при случае где-то, делали котелки, кольца (чаще из монет), шили головные уборы (картузы, шапки), изготовляли из кости превосходные мундштуки, игрушки, скульптурки и т.п. За изделия получали хлеб, курево. Многие организовали изготовление игральных карт.

У меня не было никакого ремесла, и я должен был довольствоваться тем, что могло перепасть по какому-либо счастью. В первую васлуйскую зиму меня иногда угощали работавшие на конюшне ездовые. Будучи в городе, они добывали румынские газеты. Мы жили в изоляции, жаждали знать, что творится на фронтах, информаторы-охранники сами почти ничего не знали, некоторые умышленно вралы (о падении Сталинграда). Поэтому вечером мне приносили иногда газету, и я переводил фронтовые сводки. Они касались боев на Кавказе, излучине Дона и т.д., 2-месячное изучение латинского языка сослужило мне известную пользу. Не все понимал я, но названия географических пунктов, ход операций позволяли судить о ходе борьбы. Летом я переводил уже почти не таясь: газеты были правительственные, не большевистские. Битые румыны как бы утратили браваду и желание вмешиваться в то, что им не причиняло беспокойств.

«ФИРЯ АЛ ДРАКУЛУЙ»[19]

Немного лиц сохранила память их числа мучителей. Голуб, сержант «Чертюв характер», шомпольник...

«Фиря ал дракулуй» упивался властью. Он врывался в барак с палкой, бил его по нарам, кричал что-нибудь [неразборчиво], любил наводить страх и изысканно ругался (в бога, церковь, иногда в большевичей; по-русски это называется трехэтажным матом; по богатству набора ругательств он был, вероятно, недостижим). Набрал партию на работу, он выгонял захваченных и исчезал.

Голуб был из Одессы. Могучий, высокий (метра 2), он хромал на одну ногу. Не расставался с атрибутом своей власти - палкой. Обращался издевательски перед замерзшей оборванной толпой у «царских врат» и по окончании еды к призонтерам «Господа, поели?» или «Шапки долой, господа!». Когда впускал колонну в столовую поглощать плоску фасолевой водицы, изображал лесоруба: равномерно опускал лопатку на головы и плечи входящих, сопровождая свою работу присказкой, довольно глуповатой, но всем известной и памятной «Отец рубит, а я отвожу».

Шомпольник ведал конюшней в Карповке, куда призонтеры содержались еще в кооперативе (бывшей лавке, магазине).

Этот тип систематически практиковал театрализованные представления: по команде «Кулькат!» (ложись) все чистившие лошадей призонтеры должны были быстро лечь у прохода, а истязатель шел и стегал по спинам шомполом. При хорошей одежде и хорошей подкладке это было терпимо; и люди шли в конюшню добровольно - ведь от лошадей можно было взять кукурузный початок или что-то из их корму.

Голуб мне влил за все время только раз (удавалось проскочить между взмахами руки, присесть или чаще - идти другой стороной), но после того единственного раза плечо болело почти неделю. Рука у Голуба была тяжелая, а лопатка как литая.

Румыны - довольно мягкий народ. Вчерашние крестьяне, которых успели лишь настроить против большевиков, стремящихся загнать людей в колхозы и низвергнуть бисерики[20], они не питали ненависти к русским, особенно когда познакомились с нами ближе.

Сами румынские порядки не походили на немецкие. Румыны никогда не расстреливали призонтеров (по крайней мере я не видел и ни от кого не слышал о случаях расстрела). Высшая мера наказания - «25 ла кур», карцер, хотя и это применялось редко. В карцер Сашке-Москве, когда у него отекали ноги, принесли доску, на торец которой можно было слегка присесть. Ынкисоара (внутренняя тюрьма) представляла собой пустую комнату-изолятор без особых приспособлений для мучительства.

Одним из способов помучить было стояние на дугсэ (перекличка, точнее подсчет людей на площади). Но, кажется, они происходили от

малограмотности и бестолковости охраны: неспособные сосчитать людей в бараках, они выводили на ветер, холод, и по 3-4 пересчитывали.

Наоборот, жестокость немцев была безгранична. Это какой-то бездушный, каменный народ. Приученные к абсолютному порядку, педантичные во всем, они не терпели какого-либо своеволия, малейшего игнорирования их распоряжений. Уже в [название населенного пункта неразборчиво] они отделили «жидов и комиссаров», отвели их за садик и расстреляли из автоматов; в лагере у лесопилки, когда зэки стали на кострах жарить куски лошадиной морды, сначала предупредили - не жечь! Затем офицер из пистолета застрелил троих, которых положили по концам зигзагообразной канавы и возле середины ее - в назидание. В Михайловке мужику, выскочившему из колонны за куском хлеба, конвоир сначала прострелил ногу правую, выше колена; тот упал, немец зашел сбоку, с близкого расстояния выстрелили в висок; фонтанчик крови на загорелом виске быстро образовал ручей на пыли, дернувшись, небритый мужчина расстался с жизнью, а кровь текла, а я находился в 1,5 метрах, рядом с убийцей. Этот действовал хладнокровно, деловито... Больше всего стреляли в хвосте колонны, добивали отстающих, слабых. В Умани, когда стали ломать с крыши доски на топливо, чтобы сварить в консервных банках траву, немцы стреляли в каждого, кто осмеливался добывать дрова.

С каким довольством они, гогоча, издевались над евреями. Однажды поставили трех евреев между двух рядов колючей проволоки, ограждавшей лагерь, и заставили «молиться» - приседать и делать руками определенные движения. Первым выбился из сил старик, они били его палками, несчастный кричал, а они смеялись злорадно и бездушно, повторяя «Юда, Юда!». Когда избитый старик уже лежал вповалку, били второго. И только третий, молодой, долго делал гимнастику... Тут подвели четвертого, объявили, что он украинец - ему принесли плошку и дали есть на глазах находившихся за изгородью сотен голодных людей. На другой день этим сотням дали первый раз пищу - плохо проваренное просо, неободранное, как дробь. Лишь немногие еще как-то обрабатывали. Остальные с голоду жевали и глотали неободранным, мучились желудком (не ели около недели, только в пути жевали немного зерна пшеницы), поносили целым просом.

ГАМО. Ф. Р-1355. Оп. 1. Д. 376. Л. 40-43об

[2] Предположительно село Копенковатое в Новоархангельском районе Кировоградской области Украинской ССР

[3] нем. *Nehmen sie nicht zur Arbeit!* - Не бери их на работу!

[4] Шамовка - (жарг.) прием пищи

[5] Село Карповка Могилев-Подольского района Винницкой области Украинской ССР

[6] Призонер, призонтер - от рум. *Prizonier* - заключенный

[7] Тютюн - низкосортный табак

[8] Васлуй - город в Румынии

[9] Инфермерий - лечебница, лазарет

[10] От рум. *Cimitir* - кладбище

[11] Губернаторство Транснистрия, или Заднепровье, - административно-территориальная единица, образованная румынскими властями на территории части оккупированных Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украинской ССР и левобережной части Молдавской ССР во время Великой Отечественной войны, столица - г. Одесса

[12] Рум. *când a acasă* - когда домой

[13] Рум. *dure terminalul razboul* - после окончания войны

[14] Предположительно имеется в виду Лухский уезд Костромской губернии

[15] От рум. *Santiela* - сторож, караульный, часовой

[16] Жудец - административно-территориальная единица Румынии

[17] От нем. *Kriegsgefangene* - военнопленный

[18] От нем. *Ausweis* - удостоверение личности

[19] Предположительно от рум. *fir-ar al dracului* - черт побери; сам И.Ф. Ушаков в воспоминаниях переводит как «Чертов характер»

[20] От рум. *Biserica* - церковь

Литература:

Ушаков, И. Ф. Избранные произведения : в 3 томах : историко-краеведческие исследования / И. Ф. Ушаков. – Мурманск, 1997–1998. – 3 т.

Иван Фёдорович Ушаков : к 90-летию со дня рождения : биобиблиографический указатель / Мурман. гос. обл. универс. науч. б-ка, Мурман. гос. гуманитар. ун-т ; [сост. О. Н. Фролова ; вступ. ст. П. В. Фёдорова ; редкол.: С. А. Медникова и др.]. – 3-е изд., доп. – Мурманск : Мурманский государственный гуманитарный университет, 2011. – 97 с. – (Серия «Краеведы земли Кольской»)

Дранишников, В. В. И. Ф. Ушаков – защитник Отечества, ученый, человек / В. В. Дранишников // «Любимые мои учителя...» : очерки об ученых, преподавателях-методистах, организаторах учебно-воспитательного процесса в МГПУ / Федеральное агентство по образованию, МГПУ. – Мурманск, 2009. – С. 61–73

Ушаков Иван Фёдорович // Кто есть кто в Мурманской области / [сост. В. Н. Беляев]. – Санкт-Петербург ; Мурманск, 2004. – С. 198–199

Фёдоров, П. В. «Крупное явление в литературе по Русскому Северу» : к биографии мурманского историка И. Ф. Ушакова / П. В. Фёдоров // Исторический архив. – 2013. – № 4. – С. 64–75 : фот.

МБУ «ЛИБ»
Информационно-библиографический отдел
п. Ревда
ул. Победы, 25

тел.: 43 – 592

библиотека e-mail: Revda-Biblios@yandex.ru

ЦОД e-mail: tsod-revda@yandex.ru

Сайт: www.revdabiblios.ru